

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

<https://doi.org/10.5281/zenodo.6276494>

УДК 94 (574).02/.08

Альжаппарова Б.К.

Альжаппарова Бахытгуль Кабдульмаликовна, кандидат исторических наук, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, 010008, Республика Казахстан, Нур-Султан, ул. Сатпаева, 2. E-mail: alzhapparova_bk@enu.kz.

Дискуссия о трансформации кочевничества в казахстанской исторической науке 1920-х – начала 1930-х гг

Аннотация. В статье рассмотрены работы ученых, посвященные кочевому хозяйству Казахстана и опубликованные в ходе дискуссии, проводившейся накануне коллективизации. Изучены статьи, посвященные региональным аспектам проблемы, вопросам определения географических и территориальных рамок Центрального Казахстана. В статье анализируется тезис, что исследователи, отмечая определяющую роль географических и хозяйственных процессов, отстаивали путь эволюционного изменения форм хозяйственной деятельности. Процесс оседания исследователи рассматривают как длительный процесс смены хозяйственных форм, основным фактором которого они считают, прежде всего, естественноисторические условия.

Ключевые слова: кочевое хозяйство, казахстанская историография, Центральный Казахстан, модернизация, оседание, коллективизация, регион.

Alzhapparova B.K.

Alzhapparova Bachytgul Kabdulmalikovna, Eurasian National University named after L.N. Gumilyov, 010008, Republic of Kazakhstan, Nur-Sultan, st. Satpayev, 2. E-mail: alzhapparova_bk@enu.kz.

Discussion on the transformation of nomadism in the Kazakh historical science of the 1920s-early 1930s

Abstract. The article examines the works of scientists devoted to the nomadic economy of Kazakhstan and published during the discussion held on the eve of collectivization. The articles devoted to the regional aspects of the problem, the issues of determining the geographical and territorial framework of Central Kazakhstan are studied. The article analyzes the thesis that researchers, noting the decisive role of geographical and economic processes, defended the path of evolutionary change in the forms of economic activity. The

researchers consider the settling process as a long process of changing economic forms, the main factor of which they consider, first of all, natural-historical conditions.

Key words: nomadic economy, Kazakhstani historiography, Central Kazakhstan, modernization, settlement, collectivization, region.

В отечественной исторической науке долгий период преобладающей являлась точка зрения, согласно которой оседание кочевников проводилось с целью приобщить их к благосостоянию и культуре. Это обусловлено тем, что кочевничество рассматривалось в тот период как нечто архаичное и отсталое, несовместимое с цивилизацией и культурой, которые естественным образом ассоциировались только с земледелием и оседлым образом жизни. Однако на более позднем этапе в отечественной историографии обрела свое место совершенно иная точка зрения, настаивающая на том, что главным фактором седентаризации являлась зерновая проблема, актуализация которой была вызвана планами сверхфорсированной индустриализации.

Как утверждает исследователь В. Хорос, в конце 1920-х годов в Советском Союзе была задействована так называемая имперская модель модернизации, побудительными мотивами которой являлись поддержка военно-политического влияния державы и укрепление ее позиций в мире [1]. Подобная модернизация приводила к созданию военно-промышленного комплекса и сильной армии, но многие гражданские отрасли и социальная сфера оставались при этом закрытыми.

Длительный период сталинский вариант модернизации представляли как безальтернативный путь развития, единственно возможный в тот момент. Не вызывает сомнения, что та или иная реальность, любая действительность, как фактическая данность, безальтернативна, так как то, что было – «не переиграешь заново и другому». Однако этого нельзя сказать о возможностях развития, о том, что могло случиться. Пока не совершился общественный процесс и не получены его результаты, имеются различные варианты развития этого процесса, существуют аль-

тернативы, за реальный выбор которых отвечают конкретные люди. Как пишут историки, «... абсолютной неизбежности именно данного хода событий, исключающей какие бы то ни было иные возможности развития, не существует: всегда имеется множество тенденций, которые возможны и при определенных условиях могут осуществиться» [1].

В данном контексте необходимо представить те точки зрения, которые исповедовали несколько иной путь трансформации казахского общества вообще, и традиционного хозяйства – в частности. Например, представители национальной интеллигенции, отмечая определяющую роль географических факторов, выступали не за революционный, а за эволюционный путь изменения форм хозяйственной деятельности. Оседание они рассматривали как длительный процесс, который должен осуществляться при наличии подготовленности региона, в первую очередь, природно-климатической. Таким образом, существовали возможности для осуществления несколько иных вариантов трансформации казахского общества, что опровергает точку зрения о безальтернативности исторического процесса конца 1920 – начала 1930 годов. Необходимо также отметить, что процессы модернизации Советского государства сопровождались дискуссиями среди партийных и советских деятелей, специалистов и ученых.

Так, вопросы развития кочевого хозяйства, стали объектом исследования ученых в 20 – первой половине 30-х годов прошлого века. Немалый интерес представляет исследование К.А. Чувелева, который полагал, что кочевое хозяйство – это хозяйство, «использующее для утилизации сил природы только силу животных» [2, с.34]. По его мнению, точное и адекватное определение кочевого хозяйства очень затруднено, так как в различ-

ных регионах Казахстана присутствуют неодинаковые условия для ведения скотоводства. В этой связи он выделял равнинно-кочевой, горно-кочевой, кочующий в песках и другие варианты скотоводческого хозяйства. Следует признать, что К.А. Чувелев был сторонником постепенного эволюционного развития хозяйства – от кочевого к более интенсивным формам полукочевого и оседлого.

Аналогичных взглядов на кочевую экономику и проблемы её развития придерживались исследователи М.Г. Сириус, А.И. Челинцев, С.П. Швецов, А. Донич и др. Они руководствовались точкой зрения, что большая часть территории Казахстана пригодна лишь для ведения кочевого скотоводческого хозяйства, т.е. принимали в расчет природно-климатический фактор. Так, М.Г. Сириус в ряде своих статей проводил тезис, что скотоводство является главной отраслью не только сельского хозяйства, но и всего народного хозяйства Казахстана в целом. Он обоснованно доказывал, что районами рентабельного земледелия в Казахстане могут быть лишь те незначительные территории, где выпадает более 300 миллиметров осадков в год [3, с.17].

Учёный Г.Ф. Прокопович, которого позже причислили к группе “кондратьевцев”, весьма резонно подчёркивал, что в реальных условиях Казахстана необходимо найти такой образ действия, который бы сохранил ценные скотоводческие навыки населения. Г.Ф. Прокопович считал, что эти навыки сами по себе составляют незаменимый капитал, владение которым особенно важно в условиях сокращения во всём мире количества скота [4].

С.П. Швецов, также как и вышеуказанные авторы, был сторонником эволюционного развития традиционного хозяйства [5]. Таким образом, оседание учёные рассматривали не как одномоментный, а как длительный процесс смены хозяйственных форм, и основным фактором они называли, прежде всего, естественноисторические условия.

В указанный период внимание исследователей привлекают также и региональные аспекты изучаемой нами проблемы. В частности, историков и экономистов уже в конце 20-х – начале 30-х годов XX века занимали вопросы определения географических и территориальных рамок Центрального Казахстана, путей и методов хозяйственного освоения этого региона. Следует отметить, что под Центральным Казахстаном большинство из них подразумевало регион, где практиковалось только кочевое скотоводство. Об этом свидетельствует совещание, прошедшее в Совете народных комиссаров Казахстана 2 февраля 1930 года; стенограмма этого совещания была опубликована в печати под названием «Что же такое Центральный Казахстан?»[6].

Участники форума, пытаясь ответить на вышеназванный вопрос, высказывали точки зрения, не всегда совпадающие, а иногда даже противоречащие друг другу. Согласно мнению Р.Е. Филимонова, Центральный Казахстан – это «область преимущественно полукочевого и кочевого образа жизни населения, где преобладает экстенсивное скотоводческое хозяйство. Он простирается с запада на восток, проходит через весь Казахстан и ограничивается с севера изогиями в 200 – 250 мм». Р.Е. Филимонов утверждал, что Центральный Казахстан включает в себя части Уральского, Актюбинского, Кустанайского, Акмолинского, Каркаралинского, Сырдарьинского округов, часть Каракалпакской автономной области, Гурьевский и Кызылординский округа. Общая площадь его превышает 160 млн. га [6].

В отличие от Р.Е. Филимонова, А.Ф. Войцеховский подразумевал под Центральным Казахстаном только песчаные и каменистые пустыни, полупустынные же территории, по его мнению, не являются составляющей этого региона. Я.Л. Абрамович определял Центральный Казахстан как «широкую географическую полосу с малопродуктивными землями и неблагоприятными естественно-историческими условиями». М.Г. Сириус отрицал саму право-

мерность определения этого понятия, мотивируя это большей необходимостью изучения хозяйственных возможностей районов [6].

Продолжением дискуссии о Центральном Казахстане стали публикации на страницах журнала «Народное хозяйство Казахстана». Так, И.И. Маслов, также как и Р.Е. Филимонов, под Центральным Казахстаном подразумевал огромную территорию, охватывающую 2 млн. квадратных километров (или 66% пространства всей Республики) и называл этот регион район экстенсивного кочевого хозяйства [7]. И.И. Маслов поддерживал официальную концепцию оседания, однако рекомендовал воздерживаться от широкомасштабного оседания в наиболее пустынных областях этого региона, пока специалистами не будут там проведены, как он выразился, «опытные работы» [7].

Свое несогласие с ним выразил И.М. Поташев, полагавший, что Центральный Казахстан не может занимать такое большое пространство, а количество годовых осадков не является критерием для определения территории этого региона, поэтому изогипса в 250 мм не может быть разграничительной линией, отделяющей Центральный Казахстан от других регионов. В отличие от И.И. Маслова, он не был противником рискованных экспериментов в области оседания и игнорировал природно-климатический фактор [8, с.47].

Таким образом, резюмируя вышесказанное, можно констатировать, что на том этапе в хозяйственно-географическом определении Центрального Казахстана имелись существенные разногласия, предполагающие отсутствие четких критериев географического, экономико-географического районирования, и недостатки тогдашнего административно-хозяйственного деления Казахстана.

Подобные разногласия свидетельствуют также о сложности самой региональной проблематики, всегда вызывавшей в отечественной и западной науке неоднозначные точки зрения. Так, одни исследователи, ставя под сомнение значи-

мость и целесообразность районирования, придерживаются мнения, что районы – это лишь «умственные конструкции, существующие лишь в наших мыслях» [9, с.21]. Логическим продолжением этого высказывания является утверждение, согласно которому районы – это «интеллектуальная концепция, созданная мышлением, использующая определенные признаки, характерные для данной территории, и отбрасывающая все те признаки, которые рассматриваются как не имеющие отношение к анализируемому вопросу» [9, с.43]. Подобная точка зрения, на наш взгляд, не вполне правомерна в контексте данного исследования, так как территория Казахстана представляет собой спектр природно-климатических особенностей, оправдывающих необходимость его районирования.

По мнению учёного Б.Я. Двоскина, определение района должно включать в себя такие признаки, как комплексное развитие района, производственная специализация как проявление территориального разделения труда, экономическое единство, целостность, экономическая связанность района, максимально развитые рациональные внутри- и межрайонные экономические связи [9, с.46]. Б.Я. Двоскин подразделил в составе Центрального Казахстана Карагандинскую и Джезказганскую область.

Природные условия и хозяйственно-экономические перспективы Центрального Казахстана стали объектом изучения таких ученых, как Н. Тагильцева, Н.И. Мацкевича, П.Г. Амосова, Н.В. Павлова, Б. Николаева, Г. Николаева, С.М. Фрейденберга и др. Агроном П.Г. Амосов, анализируя особенности хозяйства Каркаралинского округа, акцентирует внимание на исключительной адаптированности казахского скотоводства к природным условиям региона, что проявлялось и в породах скота, и в приемах его разведения. По мнению П.Г. Амосова, в основе кочевничества заложено «здоровое жизненное начало, еще не исследованное и не изученное» [10, с.73]. Автор далек от трактовки традиционного

хозяйства казахов как исторически запоздалого пережитка и не поддерживает упрощенную и наивную концепцию прогресса, по которой номадизм неизбежно должен смениться земледелием. Он убежден в том, что природа диктует выбор системы хозяйства. [10, с.73].

Исследователь С.М. Фрейденберг изучал хозяйственно - географические условия районов Каркаралинского округа: радиусы кочевания, плотность населения, структуру хозяйствования. Автор классифицировал кочевые хозяйства Каркаралинского округа (в зависимости от радиуса кочевания) на семь типов: до 5 верст, от 5 до 10 верст и т.д. Он приходит к выводу, что самые протяженные маршруты кочевания характерны для Балхашского района, отличающегося и самой низкой плотностью населения – 0,7 человек на 1 квадратный километр. Исследование С.М. Фрейденберга отличается низким уровнем теоретизации, однако из него можно извлечь фактические данные [11].

Статья Н.Н. Мацкевича направлена на изучение длины маршрутов кочевания, плотности населения и видов кочевания в Семипалатинской губернии (по данным 1927 года). Немалый интерес представляет описание Каркаралинского уезда, который, по мнению автора, имеет «наивысшую среднюю длину кочевания» по губернии – 776 верст [12, с.24]. Н.Н. Мацкевич признавал наличие корреляции между плотностью населения и радиусом кочевания: более высокий коэффициент плотности населения влияет, по его мнению, на уменьшение длины кочевания. Н.Н. Мацкевич утверждал, что кочевое скотоводство «ни в коем случае не исключает наличие культуры». Ведь никто не сомневается в достаточно высоком культурном развитии Швейцарии или Нормандии, где сельское население считает более выгодным заниматься не земледелием, а скотоводством.

Именно скотоводство являлось доминирующим видом хозяйствования багалинцев, жителей Багалинского района, экономическая история которого вызвала исследовательский интерес у М. Шарипо-

ва. Он рассматривал структуру хозяйствования, уровень обеспеченности скотом, размах торговых операций багалинцев начала XX века, констатировал процессы обнищания, вызванные политическими событиями – Октябрьской революцией и гражданской войной. Это исследование является, в большей степени, историко-этнографическим, а не статистическим [13].

В работе А. Смоленского и Г. Николаева, напротив, предпринимается попытка статистического изучения традиционного хозяйства (по данным бюджетного обследования Каркаралинского уезда в 1926 году). Их исследование претендует на комплексный охват этой проблемы: изучение структуры стада, сравнительный анализ с данными экспедиции Щербины, исследование валовой доходности хозяйства казахов, налогового обложения, степени вовлеченности в рыночный оборот. А. Смоленский и Г. Николаев отметили основные особенности кочевого и полукочевого хозяйства накануне радикальных аграрных преобразований. Однако значительные расхождения в уровнях доходности между различными группами населения были интерпретированы ими как показатель примитивности форм ведения животноводства [14].

Проблема традиционного хозяйства казахов и путей его развития поднималась на страницах периодической печати и Е. Тимофеевым. Он, в противовес официальной идеологии, был противником стереотипа, гласившего, что дикость и кочевое хозяйство – синонимы. Е. Тимофеев предлагал переводить на полную оседлость только зимние пастбища, которые, по его мнению, должны были стать средоточием кормовых запасов и страховых фондов кочевников [15].

Сохранение государством общинного уклада жизни не могло не повлиять и на сохранение большинством скотоводческих хозяйств кочевого образа жизни. Например, в Каркаралинском округе, согласно переписи 1926 года, кочевые хозяйства составляли 33 тыс. 806 единиц или 94,6%

всех казахских хозяйств [11, с.208]. Радиусы кочевания в Каркаралинском округе были самые различные и варьировались от 5 до 500 верст. Исследователь Фрейденберг разделил кочевые хозяйства Каркаралинского округа на следующие категории: до 5 верст – 4 тыс. 976 хозяйств, от 5 до 10 верст – 580, от 11 до 50 верст – 11 тыс. 312, от 51 до 100 верст – 4 тыс. 353, от 101 до 200 верст – 4 тыс. 10, от 201 до 450 верст – 2019 хозяйств [11, с. 209].

Н.Н. Мацкевич, изучавший сравнительную длину кочевания жителей Каркаралинского уезда, констатирует, что в Каркаралинском уезде максимальная амплитуда кочевания была характерна для Дегондельской волости – 776 верст. Протяжённые маршруты кочевания были также характерны для Катон - Балхашской волости – 390 вёрст, для Шетской волости – 300 вёрст. При этом следует подчеркнуть, что речь идет о расстоянии в один конец. Это означает, что в этом уезде некоторые хозяйства в процессе кочевания проходили более 1,5 тыс. верст, что, конечно является свидетельством их ярко выраженного кочевого характера. Это подтверждают и некоторые цифровые данные. Так, по данным Мацкевича, процент кочевых хозяйств составлял 95,3%, а оседлых – 4,7% . Средняя длина кочевания составляла 54,5 версты. В 1926 году в процессе кочевания хозяйствами Каркаралинского уезда было пройдено 3 млн. 911 тыс. 530 верст [12, с. 13]. Подобные цифры, конечно, впечатляют и убеждают в преобладающем характере в Центральном Казахстане в середине 1920-х годов кочевого образа жизни.

Исследователи констатировали суровые природно-климатические и географические реалии Казахстана, способствовавшие становлению кочевничества. Ученый Тагильцев Н. приводит в статье высказывание Никольского, совершившего в 1885 г. путешествие на озеро Балхаш: «Невыносимые ветры при ясном небе, столбы соленых вихрей, палящий летний зной, безводье и безлюдье, глина, чахлые комочные кусты, жаворонки, сайгаки и ящерицы, фаланги, скорпионы и комары. Только сред-

неазиатские номады, приспособленные к этой природе, с их пастушеской культурой, могут и то только зимой существовать в этих пустынях» [16, с. 243].

Таким образом, взгляды ученых, освещенные в ходе дискуссии, развернувшейся в печати накануне массовой коллективизации, являлись альтернативой официальной концепции оседания, получившей отражение в трудах некоторых партийных деятелей и исследователей. Так, в трудах партийных деятелей прослеживается идея необходимости и актуальности радикальных преобразований в сельском хозяйстве. Кочевничество воспринималось ими как архаическое, отсталое, малопродуктивное хозяйство, требующее незамедлительных «революционных» мер. Идеологической основой подобных воззрений являлся тезис о возможности перехода «отсталых народов» к социализму, минуя капитализм, являвшийся стержневой идеей сталинской модернизации в Казахстане. Так, Б. Семевский, пытаясь доказать необходимость и целесообразность оседания, выявляет различия между дореволюционной и советской политикой оседания. Автор критикует учёных и партийных деятелей, взгляды которых расходились с официальными. Например, в одной из своих статей Б.Семевский критикует А.Н. Доница за непонимание взаимоотношения и взаимодействия «базиса» и «надстройки», в том, что А.Н. Дониц является сторонником планомерного и постепенного приспособления кочевого хозяйства к современной культуре [17]. Таким образом, эти труды пропагандировали приоритет классовых позиций.

Таким образом, подводя итог вышесказанному, следует отметить, что в отличие от официальной концепции оседания, пропагандировавшейся в трудах партийных деятелей, ученые и исследователи руководствовались идеей взаимообусловленности природы и человека, географических и хозяйственных процессов, отстаивали путь эволюционного развития в сельском хозяйстве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Формации или цивилизации? (Материалы «Круглого стола») // Вопросы философии. 1989. №10. С.34-39.
2. Чувелев К. А. О реорганизации кочевого и полукочевого хозяйства // Народное хозяйство Казахстана. 1928. №2-3. С.40-48.
3. Сириус М.Г. К вопросу о более рациональном направлении сельского хозяйства в Северном Казахстане // Народное хозяйство Казахстана. 1928. №6-7. С.45-57.
4. Прокопович Г. Ф. Принципы планового хозяйства в условиях Казахстана. Народное хозяйство Казахстана. 1926. №1-2. С.6-25.
5. Швецов С.П. Природа и быт Казахстана // Казахское хозяйство в его естественно – исторических условиях. Материалы к выработке норм земельного устройства в Казахской АССР. Л.: Н.К.З. Каз.ССР. 1926. С. 93-105.
6. Что же такое Центральный Казахстан (Стенограмма совещания в СНК Казахстана. 9 февраля 1930г.) // Народное хозяйство Казахстана. 1930. №7-8. С.60-86.
7. Маслов И.И. Пути использования Центрального Казахстана // Народное хозяйство Казахстана. 1929. №4-5. С.79-87.
8. Поташев И.М. Северные границы Центрального Казахстана (в порядке обсуждения) // Народное хозяйство Казахстана. 1929. №6-7. С. 69-75.
9. Двоскин Б.Я. Экономико-географическое районирование Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1986. 248с
10. Амосов П.Г. Хозяйственно-экономические нужды и задачи Каркаралинского уезда. Народное хозяйство Казахстана. 1926. №3. С.64-75.
11. Фрейденберг С.М. Каркаралинский округ. Народное хозяйство Казахстана. 1929. №4-5. С.205-214
12. Мацкевич Н.Н. Сравнительная длина кочевков казахского населения бывшей Семипалатинской губернии. Семипалатинск: Семгубиздат. 1929. 34с.
13. Шарипов М. Баганалинцы // Советская Киргизия. 1924. №3-4. С.150-154.
14. Смоленский А., Николаев Г. К характеристике казахского кочевого хозяйства Семипалатинской губернии. (По данным бюджетного обследования Каркаралинского уезда в 1926г.) // Наше хозяйство. 1927. №5-6. С.3-27.
15. Тимофеев Е. Проблема пустыни // Народное хозяйство Казахстана. 1929. №8-9. С.65-73.
16. Тагильцев Н. Озеро Балхаш и Прибалхашский край // Народное хозяйство Казахстана. 1928. №11-12. С.238-250.
17. Семевский Б. К критике буржуазных теорий экономического развития Казахстана // Народное хозяйство Казахстана. 1930. №7-8. С.45-64.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Formacii ili civilizacii? (Materialy «Kruglogo stola») // Voprosy filosofii. 1989. №10. S.34-39.
2. Chuvelev K. A. O reorganizacii kochevogo i polukochevogo hozjajstva // Narodnoe hozjajstvo Kazahstana. 1928. №2-3. S.40-48.
3. Sirius M.G. K voprosu o bolee racional'nom napravlenii sel'skogo hozjajstva v Se-vernem Kazahstane // Narodnoe hozjajstvo Kazahstana. 1928. №6-7. S.45-57.
4. Prokopovich G. F. Principy planovogo hozjajstva v uslovijah Kazahstana. Narodnoe hozjajstvo Kazahstana. 1926. №1-2. S.6-25.
5. Shvecov S.P. Priroda i byt Kazahstana // Kazahskoe hozjajstvo v ego estestvenno – istoricheskikh uslovijah. Materialy k vyrabotke norm zemel'nogo ustrojstva v Kazahskoj ASSR. L.: N.K.Z. Kaz.SSR. 1926. S. 93-105.
6. Chto zhe takoe Central'nyj Kazahstan (Stenogramma soveshhanija v SNK Kazahstana. 9 fevralja 1930g.) // Narodnoe hozjajstvo Kazahstana. 1930. №7-8. S.60-86.
7. Maslov I.I. Puti ispol'zovanija Central'nogo Kazahstana // Narodnoe hozjajstvo Kazahstana. 1929. №4-5. S.79-87.
8. Potashev I.M. Severnye granicy Central'nogo Kazahstana (v porjadke obsuzhdenija) // Narodnoe hozjajstvo Kazahstana. 1929. №6-7. S. 69-75.

9. Dvoskin B.Ja. Jekonomiko-geograficheskoe rajonirovanie Kazahstana. Alma-Ata: Nauka, 1986. 248s
10. Amosov P.G. Hozjajstvenno-jekonomicheskie nuzhdy i zadachi Karkaralinskogo uezda. Narodnoe hozjajstvo Kazahstana. 1926. №3. S. 64-75.
11. Frejdenberg S.M. Karkaralinskij okrug. Narodnoe hozjajstvo Kazahstana. 1929. №4-5. S. 205-214
12. Mackevich N.N. Sravnitel'naja dlina kochevok kazahskogo naselenija byvshej Semipala-tinskoj gubernii. Semipalatinsk: Sengubizdat. 1929. 34s.
13. Sharipov M. Baganalincy // Sovetskaja Kirgizija. 1924. №3-4. S. 150-154.
14. Smolenskij A., Nikolaev G. K karakteristike kazahskogo kochevogo hozjajstva Semipalatinskoj gubernii. (Po dannym bjudzhetnogo obsledovanija Karkaralinskogo uezda v 1926g.) // Nashe hozjajstvo. 1927. №5-6. S. 3-27.
15. Timofeev E. Problema pustyni // Narodnoe hozjajstvo Kazahstana. 1929. №8-9. S. 65-73.
16. Tagil'cev N. Ozero Balhash i Pribalhashskij kraj // Narodnoe hozjajstvo Kazahstana. 1928. №11-12. S. 238-250.
17. Semevskij B. K kritike burzhuaznyh teorij jekonomicheskogo razvitija Kazahstana // Narodnoe hozjajstvo Kazahstana. 1930. №7-8. S. 45-64.

Поступила в редакцию 12.02.2022.

Принята к публикации 20.02.2022.

Для цитирования:

Альжаппарова Б.К. Дискуссия о трансформации кочевничества в казахстанской исторической науке 1920-х – начала 1930-х гг. // Гуманитарный научный вестник. 2022. №2. С. 1-8. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2022/02/Alzhapparova.pdf>